

ТАКИЕ ЖЕ,
КАК И МЫ

The illustration depicts a surreal scene. In the foreground, a large, multi-colored fabric (with shades of blue, purple, and pink) is draped over a landscape, forming a tunnel-like structure. Two figures are lying on their backs on a red and black striped mat inside this fabric structure. The background features a dark, starry night sky with a purple and blue aurora borealis, silhouettes of evergreen trees, and a white picket fence. The overall mood is dreamlike and ethereal.

Алексей Бойко

Алексей Константинович Бойко

Такие же, как и мы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42923626

ISBN 9785005001351

Аннотация

Алекс Стэйхолд – уникальный, и в то же время самый обычный молодой парень с планеты под названием Сэлли, находящейся во многих миллионах световых лет от планеты Земля. На планете, где всё так похоже на нашу, и в то же самое время так отличается. Он и его знакомая девушка Маша затевают безумное путешествие на своей не менее безумной планете.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Такие же, как и мы

Алексей

Константинович Бойко

Дизайнер обложки Анастасия Ежова

Корректор Венера Ахунова

© Алексей Константинович Бойко, 2019

© Анастасия Ежова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-0135-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Я был обычным парнем в своем необычном мире. Планета Сэлли, 25 миллионов световых лет к югу от Флориды, созвездие Агронома-12. У нас здесь все так же, как и у всех, за исключением одного. Нам дано от природы изменять время. Точнее, было когда-то дано. Благодаря этому мы выжили в те далекие времена, когда все живое на нашей планете должно было умереть. Когда-то мы были буквально единым разумом с общими знаниями и мыслями, одним инфополем, а с годами превратились в обычных, независимых друг от друга живых существ, хотя каждый из нас сохранил частичку умения отмаывать и менять время. Проблема лишь в том, что время нельзя изменить только для себя, ты меняешь всю цепочку времен для всех обитателей нашей планеты, а может, и для всех существ во Вселенной, без их ведома. Те цепочки, которые изменились, – перестают существовать в параллельных вселенных, они просто стираются навсегда и уже не наступят. Поэтому после сложных времен умы нашей цивилизации научились блокировать этот «дар» в каждом из нас. Мы можем чувствовать его, видеть друг в друге, это как энергетика, как то, что чувствует человек с хорошей эмпатией в ком-то, кто всячески пытается скрыть свою боль за улыбкой. Этот дар все так же живет в каждом из нас. Но мы потеряли способность его использовать, как нечто, что уже от-

мерло, но все еще существует. Самым подходящим названием будет «рудимент». Да, это идеально подходит по смыслу. Ты будто бы берешь настоящий пистолет, но пытаешься сделать из него выстрел, чувствуешь, как курок упирается в предохранитель.

И этот рудимент – главное напоминание нам о том, кто мы во Вселенной, а также как порой много ответственности лежит на каждом из нас. Навык мы утратили не сами по себе. Умы нашей планеты позаботились, чтобы глупость не погубила мир, они позаботились о введении специальных сывороток при рождении, блокирующих этот навык, они создали ОКВ – Организацию Контроля Времени. Ныне все в нашем мире хорошо, все согласны с этим решением. Но существует один нюанс, выходящий за рамки системы. Мизерный процент здешних обитателей в силу совершенно случайных обстоятельств может родиться с иммунитетом к так называемому лекарству. Это ни для кого не секрет, и каждый ребенок, рожденный на нашей планете, получает укол препарата на третьей неделе жизни и первые три года наблюдается каждый месяц в спецлабораториях, которые при помощи разных анализов проверяют подавление этого умения. Ребенок до трех лет, а вероятней, даже до восьми или десяти, не сможет воспользоваться этим даром, так как это слишком сложный механизм, для запуска которого нужно понимать некоторые особенности своего организма и обладать определенным уровнем интеллекта. Так что первые три года после

рождения проводится контроль за подавлением у абсолютно, ну или практически абсолютно, всех детей, рожденных на нашей планете. Если спустя три года появляются намеки на неполное подавление, вводят еще одну порцию, наблюдают еще шесть месяцев, а если не сработала и она – ребенка просто усыпляют.

Это может показаться удивительным и даже шокирующим, но это вынужденная мера здесь. Никто не считает правительство нашей планеты и законы жестокими и злыми, все понимают, насколько это вынужденная мера. Даже родители тех детей, кому не повезло родиться с иммунитетом. Таких родителей считают героями, жалеют, дарят дом, большое количество денег и почитают за то, что они вынуждены были взять на себя эту ношу и убить собственного ребенка ради благополучия целой Вселенной. Родители просто пускают скупую слезу, но не горечи, а радости. Люди верят, что такие особые дети попадают в свой вечный рай, но в другое время, а нашему миру ничего не грозит. Можно ли родить в подполье и спрятать ребенка от правительства, спросите вы? Ну, шанс такой, конечно, в теории существует, но, прежде всего, это глупо. Мировое правительство обеспечивает нас всем возможным и необходимым для комфортного существования, оно дает нам жилье, работу, производит еду и в целом обеспечивает всеми возможностями для самоактуализации, какими бы разными мы все ни были. Мы достаточно счастливы в общей массе, несмотря на всю разношерстность лич-

ностей и общества, у нас нет войн, нас никто не пытается обмануть, мы не террористы, мы разумная цивилизация, и все понимают, что и как мы должны делать для существования, которое однажды далось нам слишком высокой ценой. Ладно, для того чтобы расширить ваше понимание нашего общества и взглядов на эту проблему, да и вообще рассказать о нас чуть больше, допустим, кто-то все же решил обмануть всех, родить подпольно, не поставить новорожденного на учет и прочее... Препараты, которые вводятся в кровь, хоть физически и безвредны для организма, все же имеют легкий побочный эффект: они немного изменяют ее состав и придают ей синий оттенок. Наша кровь (а соответственно, и кожа) становится более яркой и приобретает синеватый оттенок, в отличие от только что рожденных. Такого человека всегда легко определить в толпе, и никто с ним церемониться не будет, если вы понимаете, о чем я. И речь не только об органах власти. Так поступит любой здравый человек, даже его собственные родственники, не считая, разумеется, сумасшедшей матери, которая единственная может решиться на этот шаг втайне ото всех. Однако результат будет понятен и предсказуем. Наш мир вообще не столь огромен, везде все обустроено и заселено, пустых подвалов просто нет, чтобы прятаться в них вечно.

Меня зовут Алекс Стэйхолд. Мне 24 года, я сын любящих родителей. Получил хорошее образование и без излишнего самолюбования могу сказать, что у меня развитый интел-

лект. Я высокий темно-русый и немного потерянный в своих мечтах и желаниях молодой человек, и я самый обычный житель нашей планеты, подумали бы вы, если бы увидели меня в общей массе других. И здесь появляется одно но. В 17 я осознал, что сыворотка на меня не действует. Просто не работает – и все. Я осознал, что смогу нажать на так называемый курок, если захочу. Уже семь лет я держу это в тайне ото всех. Я ни разу не пытался использовать свой дар, полностью понимая, к чему это может привести, и я вполне счастлив там, где я есть. Но если кто-нибудь все же узнает об этом – меня даже не будут слушать, мне конец. Мало того что я научился прятать это, также я научился подавлять энергетику внутри себя, делать ее «серой», как у большинства, а не «розовой», как у меня. Мы чувствуем все немного иначе в нашем мире. Цвета могут описывать вещи, к которым в целом-то они не сильно применимы, к примеру, чью-то силу, а, скажем, ту же музыку иногда мы можем физически увидеть.

Как я уже сказал, у меня темно-русые волосы примерно средней для парня длины, также у меня серо-зеленые глаза, атлетично-худоватое телосложение и забавная родинка на шее, которая, как я считаю, приносит мне удачу. Есть небольшой шрам на брови: я упал, когда был ребенком, бровь зашили, и след остался весьма забавный, совсем не портящий мое лицо, скорее даже делающий его более милым и совсем слегка более мужественным. Я очень нелепо

его получил, убегая в детском саду от девочки, с которой не желал делиться своей новой игрушкой, – резиновым пауком, от которого тянулась большая гибкая трубка, и на конце у нее был своеобразный насос, при нажатии на который паук прыгал в сторону. По иронии судьбы, когда я убегал, мои ноги заплелись об эту трубку и я влетел головой прямо в край пустого на тот момент уличного бассейна. Пришел в себя лишь на столе в больнице, когда мне заканчивали зашивать бровь. Я безумно люблю всем рассказывать эту историю и, разумеется, делать максимально серьезное лицо, будто бы сейчас расскажу что-то настолько эпичное, от чего у моего собеседника, равно как и у меня после того случая, жизнь кардинально изменится. Я начинаю так: «Это был ничего не предвещающий день, я был просто ребенком, тогда еще ребенком, я и подумать не мог, что произойдет в следующие несколько часов моей жизни...» И как только мой собеседник уже не знает, к чему готовиться, к падению в обморок от услышанного или к бессмысленным попыткам меня поддержать и успокоить, я резко улыбаюсь и с каламбуром выдаю всю оставшуюся часть истории. С юмором у меня проблем нет, в том числе и в умении посмеяться над собой. Ну, не считая того, когда кто-то начинает смеяться надо мной без моего ведома, это совсем другое. Я убежден в том, что шутки шутками, но я далеко не повод для насмешек и у меня вообще в жизни много поводов, чтобы мне завидовали или мной гордились.

Я отучился на экспериментатора в сфере развлечений. Люди тут любят развлекаться, как и везде, и я занимаюсь разработкой комбинаций трав и препаратов, которые давали бы людям счастье. В нашем мире все наркотики разрешены и безвредны в тех комбинациях и количествах, которые создаются официально и осознанно разрешены и допущены к реализации. Опять же, если среднестатистический житель нашей планеты чувствует, что что-то начинает идти ему во вред, хотя бы как личности, он останавливает употребление и не притрагивается к препарату впредь, если только не почувствует, как что-то изменилось. Среднестатистический – да, но, разумеется, как и во всем, здесь есть свои исключения.

Вот этим я и занимаюсь, экспериментирую с комбинациями разных трав и веществ, создавая различные препараты. Точнее, я лишь пробую себя в этом направлении. Создать безвредный и культовый препарат – мечта любого в нашей сфере. Назвать его своим именем, и именно ТЫ будешь дарить всем этим людям счастье. Это единственное, чем я хотел заниматься, к чему меня тянуло. Но со временем я начал чувствовать одиночество, которое, как и всем нам иногда, нужно заполнять. Тут-то и появилась она. Маша Сайко.

Красивые рыжие волосы до груди, ямочки во время улыбки и очаровательные глубокие как океан зеленые глаза – все это про нее. Влюбился ли я в нее сразу? Нет, когда я впервые ее повстречал, я был очень увлечен своей работой над пре-

паратами и не обратил на нее внимания, сказать по правде, она показалась мне немного надменной. Сейчас же, по истечении трех лет, я готов предложить свою вариацию фразы «любовь живет три года», для меня эта любовь три года ожидала, возможно, в не совсем привычном ее смысле, но сейчас она живее всех живых.

Кто такая Маша и где я с ней встретился? Дочь некогда солидного дельца, который устал от жизни и решил, что бросить свою семью и улететь с командой космонавтов в космос в должности ремонтника толчка на космическом шаттле – лучший способ изменить все. Маша осталась с мамой, которая своей дочери предпочитала всегда травы и препараты по типу тех, что я создаю. Да, в нашем мире нам забота и любовь нужны так же, как и в любом другом. Друзей у Маши не было, она – музыкант-мечтатель, очень красиво поет, но пишет совершенно банальную и нудную музыку, что и сама понимает, но очень уж мечтательна, чтобы взять и все бросить. В целом благодаря этому мы и познакомились. Три года назад я устроился на подработку в местный бар, где занимался реализацией препаратов, чтобы лучше изучить их практическое влияние на поведение «пациента». Я заметил ее лишь спустя 20 минут, грустную и потерянную у стойки бара. С интересом спросил: «В чем дело, препарат как-то не так подействовал?» Услышал в ответ, что она еще ничего не принимала и вообще не особо в этом что-либо понимает, но пришла сюда для того, чтобы попробовать что-то, что,

возможно, даст ей по-новому взглянуть на свое творчество. Меня немного заинтересовал такой подход, и мы довольно долго болтали, затем я взял ее номер и сказал, что подумаю над тем, что лучше подойдет ей именно для широты мышления в плане творчества. Через какое-то время мы начали созваниваться, сначала по делу, потом и просто, все чаще и чаще, так постепенно узнавая друг друга, я ей проникся. Как я уже сказал, у Маши нет друзей. Но у нее есть два поклонника. Первый – местный задира, живущий по соседству. Типичный мерзавец, думающий, что шлепнуть девушку по заднице – лучший способ произвести на нее впечатление, о нем рассказывать больше особо нечего, кроме того, что он еще и из влиятельной семьи, поэтому может позволить себе много вольностей, понимая, что все ему сойдет с рук. И второй. Второй любит ее со школы, всячески пытался ей понравиться, но безуспешно. Что он только ни предпринимал. Пытался писать музыку, чтобы восхитить ее и стать ее идолом, но быстро сдался. Затем три месяца изучал технику обратного сальто, и когда был уже готов поразить ее своим мастерством, не учел того, что сальто в тренировочном зале и на льду – это разные вещи. Повезло, что просто плечо вывихнул. Вершиной его великого плана по завоеванию Машиного сердца стало то, что он пошел учиться на ремонтника космических унитазов, думая, что она подсознательно влюбится в кого-то похожего на ее отца. На отца, который ее бросил. Умом он не блистал, в общем-то, но самое смешное

даже не в этом. Маша все-таки начала проявлять внимание к нему, то ли из жалости, то ли ее действительно что-то в нем зацепило, но как только она сделала первый шаг, не прошло и двух недель, как он улетел в космос чинить унитазаы. Маша искренне пообещала его не ждать. Откуда я все это знаю? Мы болтаем каждый вечер, просто созваниваемся. Могу ли я отнести себя к ее поклонникам или друзьям? Нет, мне просто она нравится, подобно цветку. Мне приятно ощущать ее запах, приятно ее видеть, но у меня нет цели поставить ее у окна на кухне и сделать домашним цветком в горшке, поливать и заботиться – нет. У меня глобальные цели. Я хочу увидеть свое имя на препарате, от которого люди будут счастливы, на всех уличных билбордах, привлекающих на лучшие городские вечеринки, это гораздо важнее, это главная цель моей жизни уже несколько лет и главная моя мечта. Я называю нас людьми, потому что смысл слова такой же, просто если бы я писал на нашем языке, это бы звучало чуть иначе. Вот тут мы и подходим к одному из переломных моментов в моей жизненной истории. Я понял, что можно искусственно вызвать чувство «нужности» себя. Это больше, чем эйфория и стимуляция вместе взятые, это то, с чем не сравнится ни один наркотик. Раньше, наверно, казалось, что это чувство синтезировать невозможно, точнее никто даже и не пытался, но в разговорах с Машей я понял, насколько это может изменить мир. Я обладаю знаниями и горю огнем изнутри, у меня есть четкая цель, нет только одного – масштабной

лаборатории, где я бы мог проводить синтез. И сейчас я уверен, что уже созрел, к тому же такие гениальные идеи приходят едва ли не раз в жизни. «Собираюсь ли я упустить такой шанс? Конечно же нет!» – подумал я и взял денег взаймы. Много денег. Очень много денег у всех, у кого только смог: у банков, у знакомых и так далее.

Глава 2

Я провалился. Я ошибался, невозможно синтезировать настолько глубокое чувство, ведь оно в первую очередь исходит из подсознания и не зависит напрямую от нейромедиаторов или гормонов. Теперь я всего лишь должен 1,212 млн траншарнских бумаг. Это примерно все мое имущество и в придачу четыре почки. У нас, правда, все как у всех, в том смысле что почек у меня две и обе нужны. Ну ладно, будем думать. Зарплату я не получаю, только субсидии от государства, базовая ставка – 5500 в неделю, как у всех, плюс надбавка за сферу обучения – 2000, за социальную неактивность – 3500, за то, что не имею татуировок – еще 600. 11 600 итого. Этого хватает на жизнь, но не на исследования, и уж точно не на выплату огромного долга. Ладно, возможно, все просто рассосется само собой, как действие подавителя внутри меня? Парень-то я непростой.

– Привет, Маша. Как твои дела?

Ничто не могло нарушить традицию позвонить ей ровно в 8 вечера.

– Хочешь посмеяться, Леш? Приходи ко мне сейчас же.

Это первый раз за три года, когда она пригласила меня к себе, в ее голосе чувствовалась как неподдельная радость, так и то, что она была очень взволнована чем-то, сильно нервничала.

Пятнадцать минут – и я уже у ее парадной. Дверь открывается, и я вижу ее проникающую улыбку, от которой мурашки по коже, а затем и ее саму.

– Лё-о-о-ш, ты знаешь, как этим пользоваться? – говорит она и делает шаг в сторону. Сказать, что я был удивлен – не сказать ничего. Это был автоджетпак. Полноценный автоджетпак. Это такая вещь, в которую можно сесть как в машину и полететь по воздуху над Сэлли. Не очень высоко, конечно, но дороги больше не нужны.

– Эта штука стоит огромных денег, откуда она у тебя?

– Украла у того кретина, который меня достает.

– Что, прости? Украла автоджетпак? Не жвачку, не кошелек. Автоджетпак?

– Ну да. Правда, мне кажется, он догадывается, что это я.

– Мда, ну давай улетим на нем тогда, что ли, подальше отсюда, – смеясь проговорил я.

– А давай, – без колебаний и улыбки отвечает мне Маша.

– Ты, верно, шутишь?

– Нет, ну а за что мне держаться здесь? У меня мать, которой не до меня, да краденый автоджетпак на руках, вот и все богатство.

Услышав слово «богатство», я вспомнил, что мне не помешало бы найти богатства, чтобы заплатить по долгам, иначе меня просто разорвут на части. Мыслей, где достать денег, у меня не было, поэтому, вероятно, это было самое легкое решение в жизни – все бросить и лететь куда глаза глядят.

Маша – хрупкая девочка, и в таком автоджеке нам двоим места будет вполне достаточно, к тому же с ней – в тесноте, да не в обиде. Вдобавок у нас всегда будут денежные средства, которые неизменно приходят на карманный счет.

– Давай так, два дня на сборы, потом созвони...

– СЕЙЧАС! – перебила Маша. – Я беру свою пижаму с котиками, а тебе... вон, возьми с батареи пижаму с мишками, она все равно великовата мне, а тебе будет во что сегодня переодеться.

– А потом?

– А потом суп с котом, Леш, разберемся.

– А бак заправлен хотя бы, Маш?

– А эту штуку еще и заправлять надо?

– Нет, блин, а как он без устойчивой энергожидкости-то полетит?

– Ну, не знаю, я в физике не сильна, у меня все знакомые толчки чинят, у них обычно в другой жидкости все руки. Леш, ты за рулем, ты и рули.

Что же, вполне справедливо. Залезаю внутрь – я никогда раньше в таких не бывал, но водил обычное авто, а с этой штукой должно быть даже проще. Какие-то ненужные датчики, рычаги. О, педаль – газа, наверно. Ну вот, вроде и разобрались.

– Маш, сзади, кстати, место есть, можно поспать, если что.

– Окей, тогда я прихвачу еще и одеяло с зайчиками.

– А у тебя что, все вещи со зверями?

– Нет, ты чего, вон, у меня есть игрушечный крокодильчик, на нем никто не нарисован, Лёш...

Глава 3

– Ну же, залезай уже, – протягивая руку, говорю я ей.

– Блин, странный тут запах, чувствуешь?

– Эм, нет, что такое?

– **ЗАПАХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ!** Взлетай уже давай!

Я закрываю глаза на пять секунд, чтобы выжать все ненужные мысли из своей головы, открываю и нажимаю на педаль. Действительно работает, мы парим, парим в трех метрах над Сэлли. Насколько же это круто!

Глаза Маши сияли пуще прежнего.

– Эй, я никогда не видела свою крышу, ты знал, что она краеугольная?

– Ну да, эм, все крыши краеугольные, иначе скапливается жидкий азот, перелетные птицы принимают его за воду, пьют, падают с крыш и смеются.

Вижу сначала недоумение, а потом чувствую девичий слабый удар кулаком мне в плечо.

– Да ты, верно, гонишь! Издеваешься надо мной! – начинает злиться она. – Нет никакого азота, я ни разу даже не слышала, чтобы птицы смеялись!

– Ну, солнце, если ты так считаешь... – усмехнулся я и уставился на дорогу. – Хм, куда мы летим? Как насчет скалистых гор?

– Бр-р-р, холодно, я взяла лишь одно одеяло, давай луч-

ше туда! – показывает мне пальцем в совершенно случайную сторону.

Вспоминаю свои познания в географии. Полторы тысячи километров в ту сторону, куда показала Маша, и будет восточное побережье, океан, свобода и шанс заработать большие деньги. Люди там любят тусить, кушать препараты и прожигать жизнь. Маша умеет выбирать, сама того не зная.

Мы отрываемся от земли, люди не становятся синеватыми точками под нами, мы взлетаем не так высоко, зато этого достаточно, чтобы игнорировать дороги по большей части. Высокие дома и деревья все же придется облетать, поэтому надо быть сосредоточенным. Столбы энергопередачи, многоэтажные дома, домашние озера на личных участках и еле ощутимый цветной ветер – все это проносится мимо нас, точнее, мы – мимо них. Иногда в жизни бывает так, что твой взгляд падает на вещи, которые ты видишь годами и не обращаешь внимания, но что-то происходит, и ты понимаешь, насколько все это завораживающе красиво... Я немного замечтался, но меня вернул в реальность голос:

– Мы уже за пределами города, Леш?

– Окраина. Сейчас пойдут арбузные поля и хвойный лес.

Уточню, чтобы не было недопонимания между мной и слушателями: наш город – арбузный агрономный центр восточно-центрального первого полуселья. Все вокруг по периметру засеяно арбузами. Все любят арбузы, вдобавок правительство неплохо платит за освоение этой культуры.

На нашей планете отказались от невкусных овощей, фруктов и ягод. Из тех, что остались, – яблоки, арбузы, апельсины, черешня и манго. Как тут оказалось манго, никто понятия не имеет. Все, что считалось недостаточно вкусным, просто перестали выращивать. Вишня была слишком приторной для большинства, грейпфруты – горькими и слишком уж по непонятным причинам огромными, выращивать их было неудобно, а бананы... Однажды куча обезьян вырвалась за пределы местного зоопарка и смела подчистую все банановые поля, после чего решила атаковать город. Всех обезьяньих зачинщиков посадили в спешке в возведенный по этому случаю обезьянотрас, но было решено отказаться от этого фрукта впредь, ведь на обезьян он очень странно влияет.

Итак, мы – арбузная республика. Я говорил, что у меня любящая семья, но я не сказал о них ни слова. Когда-то я жил не здесь. Приехал сюда в 18 лет, хотел убежать от всего, к тому же именно здесь лучший университет по изучению кайфотворящих препаратов. Мои родители на западе, в 420 километрах отсюда, в городе, где выращивают апельсины и который является главным конкурентом моего нынешнего города в борьбе за фруторианцев в этой части полуселья. Мне иногда кажется, что люди в Южном Ронтаве, то есть моем родном городе, косятся на меня каждый раз, когда я приезжаю в гости, я так и жду фразы в стиле: «ОТ ТЕБЯ НЕСЕТ АРБУЗАМИ, ЧУЖАК!» Ну нет, конечно, все это мои шутки. На самом деле мне всегда рады, город у нас не такой уж

и большой, 12 тысяч жителей, и многие соседи и близкие моей семье люди до сих пор помнят меня и с радостью интересуются, чем же я здесь живу и каковы мои успехи. Для сравнения, мой нынешний город насчитывает около 118 тысяч жителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.